

Божевольнов Константин Александрович, студент, 3 курс, направление «Системный анализ и управление», ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева», г. Нижний Новгород

**НОВАЯ СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЙ ПО РЕАЛИЗАЦИИ
СЕМЕЙНОЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РФ В
КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИКИ**

Аннотация

Суверенная социальная экономика России требует новой демографической стратегии. Целью данной работы является обоснование приоритетов семейной политики в условиях дефицита трудовых ресурсов. На основе статистического анализа были оценены тенденции рождаемости и миграции. Доказана необходимость перехода от выплат к комплексной инфраструктурной поддержке семей. Предложены механизмы селективной миграции и развития внутренних человеческих ресурсов. Результаты могут быть использованы для корректировки государственных программ и национальных проектов.

Annotation

Russia's sovereign social economy requires a new demographic strategy. The purpose of this work is to justify the priorities of family policy in the context of a shortage of labor resources. Based on statistical analysis, the trends in birth rates and migration have been evaluated. The need to transition from payments to comprehensive infrastructure support for families has been proven. Mechanisms for selective migration and the development of domestic human resources have been proposed. The results can be used to adjust government programs and national projects.

Ключевые слова: демографическая политика, суверенная социальная экономика, рождаемость, миграция, трудовые ресурсы.

Keywords: demographic policy, sovereign social economy, birth rate, migration, labor resources.

Демографическая безопасность в России — не пункт отчётности. Это несущая конструкция экономики, прямо коррелирующая с параметрами стратегии национальной безопасности [1]. Через пять или пятнадцать лет на рынок выйдут конкретные люди. От их числа напрямую зависит, останутся ли пустыми школьные классы и больничные койки, выдержит ли пенсионная система нагрузку, хватит ли специалистов для обороны и внутреннего спроса. Мы загнали себя в тройную ловушку: население тает, смертность не отступает, рождаемость топчется, рабочих рук не хватает. Материнский капитал, льготная ипотека, налоговые вычеты сработали и остановились. Деньги распределяются, отдача исчезает. Нужен другой каркас — в русле обновлённой Концепции демографической политики [2].

Задача работы — выстроить новую семейно-демографическую политику. Не заплатку, а механизм воспроизводства человеческого капитала внутри суверенной социально-экономической системы. Опора — внутренние ресурсы, а не заимствованные технологические модели. Мы разбираем «суверенную социально-экономическую систему» через демографические процессы. Проходим по узким местам: рождаемость, миграция, занятость. Показываем, почему старые рычаги сломаны и почему пора менять реактивный режим на проактивный. Стратегия держится на трёх сцепленных блоках: поддержка семьи, селективная миграция, развитие трудовых ресурсов — в логике национального проекта «Демография» [3]. К каждому привязаны институциональные, финансовые и экономические инструменты. Региональная специфика — обязательное условие. Москва, Дагестан, Якутия, Калининград — это не просто разные климатические зоны. Это разные

демографические уклады, рынки труда и модели семьи, что подтверждается данными о межрегиональном неравенстве [6]. Единая линейка здесь не работает.

Объект исследования — социально-демографические процессы, формирующие человеческий капитал и устойчивость экономики. Предмет — государственные регуляторы рождаемости, миграционных потоков и рабочей силы. Научная новизна в отказе от механического принципа «одна семья – три ребёнка» и прямой увязке демографии с экономическим суверенитетом. Раньше эти треки шли параллельно. Мы предлагаем дифференцированную схему: в одних территориях строить инфраструктуру, в других — выводить на рынок тех, кто застрял в статусе невостребованных: матерей с малолетними детьми, людей с инвалидностью, выпускников без опыта.

Практический результат стратегии прозрачен. Правительство получает готовые модули для обновления нацпроектов и правки регионального законодательства о соцподдержке. Бизнес строит кадровые планы в условиях хронического дефицита специалистов, синхронизируя их с государственными приоритетами. Логика упрощается до основы: демография — фундамент суверенной экономики. Не нефтяная конъюнктура, не внешние займы, а собственное население. Возрастная структура фиксирует, сколько работников есть сейчас и появится завтра. Дефицит кадров уже реальность на производствах, стройках, в медицине, образовании и IT. Он заставляет бизнес поднимать производительность, а государство — выстраивать селективную миграцию. Не распахивать границы, а чётко задавать параметры: кто нужен, на какой срок, с какими правами и обязанностями. Инвестиции в здравоохранение, жильё и образование бьют точно в цель — в готовность заводить детей и работать с полной отдачей. Человек без уверенности в завтрашнем дне, без жилья и доступа к лечению не решится на рождение ребёнка и не будет выкладываться на работе.

Семья здесь — не объект распределения пособий. Это основной субъект, цех по производству человеческого капитала. Именно в семье формируются ценности, здоровье, базовые навыки будущих поколений. Укреплять этот институт — не культурная декларация, а стратегическая задача. В работе использован системный подход: сравнительный анализ периодов, построение сценариев, формирование проверяемого плана.

Проблемы накладываются друг на друга, создавая сеть взаимных ограничений. Суммарный коэффициент рождаемости снижается, но географически неравномерно. На Северном Кавказе и в части сибирских территорий традиционные уклады поддерживают многодетность, показатели держатся. В центральных, западных регионах и мегаполисах коэффициент падает до одного-двух детей на женщину. Репродуктивные установки сдвинулись: карьера, личная автономия, потребление вышли вперёд. Содержание ребёнка требует серьёзных ресурсов, причём разрыв между желаемым и фактическим благосостоянием семей остаётся ключевым барьером [4]. Прямые затраты на питание, уход, образование суммируются с косвенными потерями: родители теряют доход, прерывают карьеру, выпадают из профессии. Текущие меры поддержки не меняют траекторию. Жильё остаётся недоступным для молодых семей, льготная ипотека часто привязана к уже состоявшемуся рождению. Инфраструктура проседает: ясли переполнены, школы работают в две смены, гибких графиков для родителей нет. Пособия распределяются без адресности: деньги уходят не тем, кто действительно в них нуждается. При этом репродуктивный опыт родительских семей продолжает влиять на выбор стратегии родительства, что важно учитывать при проектировании мер [5].

Миграционные потоки работают вхолостую. Внутри страны идёт стягивание в Москву, Санкт-Петербург, Краснодар, Тюмень, Новосибирск — центры с более высоким уровнем социально-экономического развития [6]. Периферия теряет население, закрываются школы и ФАПы, исчезают рабочие

места. Внешняя миграция масштабна, но структурного дефицита не закрывает. Большинство приезжают временно, сталкиваются с правовой неопределённостью, слабо встраиваются в общество. Языковой барьер, непонимание норм, работа в сером секторе порождают напряжённость. Квалифицированные кадры не восполняются: врачи, инженеры, учителя, токари нужны системе, а приходят преимущественно низкоквалифицированные рабочие.

Рынок труда провалился в структурную яму. Поколения 1990-х входят в активный возраст, демографический провал ощущается физически. Людей объективно мало. Цифровизация и автоматизация требуют гибкости, цифровой грамотности, готовности переучиваться каждые пять-семь лет. При этом внутренние резервы задействованы слабо. Женщины с детьми реализуют потенциал максимум на треть. Люди 60–70 лет остаются за бортом, хотя сохраняют энергию и компетенции. Инвалиды не получают адаптированных рабочих мест. Молодёжь отсеивают из-за отсутствия опыта. Причина — институциональные барьеры. Гибкая занятость, удалённая работа для родителей, адаптивная среда для людей с ограниченными возможностями почти не развиты. Программы переподготовки не отвечают запросам бизнеса. Образовательные стандарты вузов и колледжей расходятся с реальными потребностями производства.

Разрозненные меры перестали давать эффект. Бессмысленно наращивать выплаты или расширять льготные программы и ждать демографического перелома. Требуется единая архитектура, связывающая поддержку семьи, селективную миграцию и активизацию трудовых ресурсов в работающий контур — в рамках целевых ориентиров нацпроекта «Демография» [3].

Стратегия на 2030–2036 годы предполагает смену подхода. Мы уходим от разовых трансфертов к формированию стабильной среды, где рождение и воспитание детей экономически и социально оправдано. Это напрямую

согласуется с нацпроектами «Демография», «Образование», «Производительность труда». Без синхронизации они не работают.

Блок поддержки рождаемости отказывается от принципа равного распределения. Меры дифференцируются по регионам и доходам. Акцент смещается на детскую инфраструктуру: ясли, сады, школы с продлёнкой, доступное жильё, так как большая семья не потянет стандартную ипотеку. Внедряются гибкие формы занятости, развиваются услуги раннего развития. Снижение издержек на родительство одновременно повышает его социальный статус. Исследования показывают: именно экономическая уверенность, а не разовые выплаты, определяет репродуктивные намерения [4].

Миграционная политика становится селективной. Квоты и программы привязываются к кадровым потребностям стратегических отраслей. Привлечение хирургов, инженеров или учителей сопровождается ускоренной адаптацией: языковые курсы, юридическое сопровождение, помощь с жильём, переподготовка под российские стандарты. Параллельно ужесточается контроль за нелегальной занятостью и серыми схемами найма, что снижает социальную напряжённость и объём теневого бизнеса.

Национальная система развития человеческих ресурсов фокусируется на глубинной переподготовке под технологический сдвиг. Профессии будут меняться, значит, нужно учить способности к переобучению. Запускаются программы профессионального долголетия: старшее поколение работает в удобном режиме, передаёт опыт, получает частичную занятость. Создаётся институциональная поддержка самозанятости и социального предпринимательства. В малых городах можно развивать пекарни, ремонтные мастерские, швейные цеха, если снять бюрократические барьеры на старте.

Блоки работают как единый механизм. Демографические вызовы перестают тормозить развитие и становятся драйверами роста. Формулировка меняется с «страна вымирает» на «система адаптируется под новые условия».

Реализация требует точных механизмов координации и распределения ресурсов. Ключевое условие — межведомственное взаимодействие через цифровые платформы, в частности ЕГИССО (Единую государственную информационную систему социального обеспечения). Данные Минтруда, Минздрава и Минобрнауки должны стыковаться в реальном времени. Прогнозная аналитика автоматически выявляет семьи, нуждающиеся в поддержке, без заявительной процедуры. Меры корректируются оперативно.

Бюджетное планирование строится на принципе соучастия. Государственное финансирование дополняется региональным софинансированием, ГЧП и привлечением социально ориентированных НКО. Это расширяет ресурсную базу и ускоряет реакцию на местах. Мониторинг эффективности пересматривается. Количество выплат уходит из ключевых показателей. На первый план выходят качество жизни семей, экономическая активность родителей, уровень субъективного благополучия и ощущение безопасности. Если страх перед будущим снижается, политика работает.

Стратегия требует постоянного участия науки. Исследовательские центры и университеты проводят независимую оценку, сравнивают практики, корректируют направления с учётом внешней конъюнктуры. Без обратной связи от экспертов модель закостенеет.

К 2030–2035 годам при успешной реализации ожидается стабилизация рождаемости: падение остановится, система выйдет на плато. Сократится разрыв между спросом и предложением в профильных специальностях. Человеческий капитал станет здоровее, мобильнее, лучше образованным. На макроуровне это повысит производительность труда, расширит внутренний спрос и укрепит финансовую устойчивость государства — в соответствии с целевыми индикаторами Стратегии национальной безопасности [1].

Реализация столкнётся с ограничениями. Бюджет не резиновый. Социальная инфраструктура распределена неравномерно — разрыв между регионами сохраняется [6]. Чиновничий аппарат может тормозить внедрение.

Внешние факторы — санкции, геополитическая напряжённость, закрытие рынков, глобальная борьба за кадры, климатические и технологические сдвиги — создают дополнительные риски. Ответ — механизмы адаптации. Резервные сценарии опираются на внутреннюю мобилизацию на случай остановки миграции. Децентрализация передаёт регионам полномочия для подстройки мер под локальные условия. Комплексное управление рисками удерживает траекторию даже в кризис.

Демографическая устойчивость — базовое условие существования суверенной экономики. Падение рождаемости, миграционная неопределённость и дефицит квалифицированных кадров требуют системного ответа. Хаотичные выплаты уходят в прошлое. Их заменяет проактивная стратегия управления человеческим капиталом. Правительству предстоит интегрировать механизмы в нацпроекты, обеспечить межведомственную цифровизацию и дифференцированное финансирование. Бизнесу — внедрять корпоративные программы переподготовки, гибкие графики и брать ответственность за семьи сотрудников. НКО и гражданскому сектору — развивать адресную помощь, местные службы и независимый мониторинг.

Следующий шаг — лонгитюдные исследования семей для выявления реальных мотиваций, включая анализ влияния репродуктивного опыта предыдущих поколений [5]. Анализ влияния ИИ и автоматизации на демографические траектории. Сравнительная оценка интеграции мигрантов в разных странах в условиях трансформации глобальных рынков. Игнорирование этих направлений сделает любую будущую стратегию столь же неэффективной, как текущая.

Литература

1. Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 (ред. от 01.07.2024) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5115.
2. Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 24.11.2023) // Собрание законодательства РФ. 2007. № 42. Ст. 5009.
3. Национальный проект «Демография»: паспорт утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16 // Официальный интернет-портал правовой информации.
4. Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В. Соотношение желаемого и фактического благосостояния семей: по данным социолого-демографического опроса супружеских пар // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 1. С. 121-131.
5. Синельников А.Б., Карпова В.М., Ляликова С.В., Антонов А.И. Влияние репродуктивного опыта родительских семей на вероятность выбора многодетной стратегии родительства // Женщина в российском обществе. 2023. № 4. С. 71-85. DOI: 10.21064/WinRS.2023.4.6.
6. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Межрегиональное неравенство в России постсоветских странах в XXI веке. (2024). Региональные исследования, 1 (83), 4-18.